

Александрова Е.С.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИИ КАННИБАЛОВ: БАЛАНСИРОВАНИЕ НАД ПРОПАСТЬЮ?

(к проблеме соотношения конкуренции и партнерства в социуме)

«Если ты хочешь понять что-либо,
узнай, как оно возникло»

Введение. Современное бытие человека в достаточной степени парадоксально. Человек имеет сознание, культуру, духовность, но практически не знает законов собственного развития. В большинстве случаев «человек разумный» даже не знает (или не хочет знать) меры своей неразумности. На первый план в развитии современного общества выходят проблемы гуманности, толерантности, альтруизма и т.д. и при этом человек проявляет патологическую жестокость по отношению к себе подобным. Более 14,5 тысяч войн при четырех миллиардах убитых. За все безвоенное время в общей сложности насчитывается всего несколько «безвоенных» лет. Люди практикуют 9 видов насилия при 45 их разновидностях – и эти цифры постоянно обновляются [см.: 4]. В чем причина такой патологической жестокости “человека разумного”, приводящей к наиболее жестким формам конкуренции – беспощадному уничтожению представителей собственного вида? И, с другой стороны, в истории общественного развития, наряду с выше указанной тенденцией, прослеживается и другая – стремление к социальному согласию, солидарности, партнерству. Таким образом, специфику существования человечества и сосуществования человеческих популяций невозможно понять без выяснения причин ее возникновения. Поиск ответа на поставленные вопросы определяет **цель** данной работы – исследование и анализ первопричин, предопределивших особенности современного существования человечества, что возможно при решении следующих **задач**: 1) анализ особенностей антропогенеза, которые повлияли на возникновение различных человеческих типов; 2) уточнение специфики разнообразных отношений между человеческими типами и внутри каждого из них.

Обсуждение проблемы. Исходя их поставленных задач, можно говорить о двух составляющих данной проблемы: 1) проблема природы (сущности) человека в общественных науках и 2) методологические проблемы теории антропосоциогенеза.

Западная философская мысль большое место уделяла биологической и психологической составляющим человеческого бытия (А. Гелен, М. Шелер, З. Фрейд, Э. Фромм и др.). Значительный вклад в исследование данных составляющих сделали представители социобиологии (Е.О. Wilson, С.Н. Lamsden и др.), а также русской немарксистской философии (Н. Бердяев, В. Соловьев, С. Франк и др.).

Собственно о сущности человека нам больше всего может поведать философская антропология. Человек, как мыслил Х. Плеснер – многомерен, его сущность раскрывается именно через биологические и психологические характеристики. М. Шелер высказывал мысль о том, что чувственное восприятие человека и инстинктивность с одной стороны, и структура окружающей среды, с которой они соотносены – с другой, образуют строгое функциональное единство.

В современной отечественной литературе можно выделить три точки зрения на соотношение социального и биологического в человеке: концепция «чистой» социальности (Э. Ильенков и др.), биосоциальной природы человека (Н.П. Дубинин, Т.В. Карсаевская, А.Ф. Полис и др.) и интегральной природы человека (В.В. Орлов, Н.Б. Оконская, Н.В. Панченко и др.).

Концепция «чистой» социальности возникла как антипод западной философской антропологии. Биологическое в человеке вытеснено и не имеет социальной значимости и социальное противостоит биологическому практически абсолютно.

В концепции биосоциальной природы человека присутствует феномен двойственности природы и сущности человека, ибо «они «разбрасывают» социальное и биологическое по горизонтальным, а не по вертикальным связям» [8, с. 54]. Например, индивид – суть биологическое, совокупность людей – социальное.

Концепция интегральной, социальной природы человека рассматривает человека и общество как интегральное образование, в которое включена сущность и природа всех предшествующих ступеней и форм организации мира. Данная концепция сохраняет достижения первых двух точек зрения и снимает их недостатки [8, с.55].

Понимание сущности человека позволит глубже уяснить особенности взаимодействий между людьми.

Относительно второй составляющей нашей проблемы – теории антропосоциогенеза, то для нас есть важными прежде всего факторы, предопределившие формирование человеческого общества. Здесь и по сегодняшний день нет единого мнения. Существует несколько точек зрения относительно факторов, которые повлияли на появление человеческого общества.

1) Большинство исследователей именно в охоте видят тот фактор, который вызвал к жизни человеческое общество и определил основные особенности первых человеческих объединений. Охота на крупных животных предполагает объединение усилий индивидов, совместную деятельность. Из этой кооперации обычно и выводится присущий людям первобытного общества коллективизм [5; 7].

2) Иной точки зрения придерживается Ю.И. Семенов. Как известно, совместная охота – явление, широко распространенное в животном мире, однако нигде она не вызвала движения в интересующем нас направлении, ни к какому коллективизму не ведет и не привела. Наличие охоты не отделяет стадо предлюдей от всех прочих объединений животных, а, наоборот, роднит его с группировками большого числа животных. Отделяет стадо поздних предлюдей от всех объединений животных, не исключая не только антропои-

дов, но и ранних предлюдей, существование в нем производственной деятельности [12, с. 107–108]. Наличие в объединении индивидов, более способных к производственной деятельности, делало всех его членов, вместе взятых, более приспособленными, чем членов тех объединений, где таких индивидов либо совсем не было, либо было меньше. Развитие способностей к производственной деятельности и ее самой могло идти только под действием гregarно-индивидуального отбора [12, с. 113].

3) Существует еще одна точка зрения – концепция Б.Ф. Поршнева, которая базируется на гипотезе о некрофагии у гоминид, в дальнейшем в условиях очередного кризиса фауны некрофагия трансформировалась в феномен адельфофагии, что явилось одним из основных факторов становления человеческого общества [10]. Кстати не один Поршнева отстаивал позицию о некрофагии у гоминид [2]. В дальнейшем ученик Б.Ф. Поршнева Б.А. Диденко на основе его работы разработал новую концепцию антропогенеза, в которой он отстаивает идею о том, что человечество не является единым видом. Оно состоит из четырех видов, у которых различная морфология коры головного мозга. Два вида – хищные, с ориентацией на людей. Хищное меньшинство привносит в наш мир бесчеловечную жестокость, бесчестность и бессовестность [см.: 4]. Так как точка зрения автора данной статьи относительно специфики самого общества и отношений между индивидами в нем базируется на концепциях Б.Ф. Поршнева и Б.А. Диденко, то, на наш взгляд, для полностью осмысления сущности “цивилизации каннибалов” подробно остановимся на этих концепциях.

«В родословном древе приматов в миоцене от низших обезьян ответвилось семейство антропоморфных обезьян-понгид. На современной поверхности оно представлено четырьмя родами: гиббоны (обычно выделяемые в особое семейство), орангутаны, гориллы и шимпанзе. В плиоцене от линии антропоморфных обезьян ответвилось семейство троглодитид (от *Troglodytes*, предложенное Линнеем). От линии троглодитид (гоминоидов) в верхнем плейстоцене ответвилось семейство гоминид, в котором тенденция к видообразованию не получила развития и которое с самого начала и на современной поверхности представлено лишь видом *Homo sapiens*, или «неоантропов», подразделяемых на «ископаемых» и «современных» [10, с. 104]. Диагностическим признаком, отличающим это семейство от филогенетически предшествующего ему семейства понгид (*Pongidae* – человекообразные обезьяны), служит прямохождение, т.е. двуногость, двуручность, ортоградность, – независимо от того, изготовляли ли они орудия труда или нет. В семействе этом, по-видимому, достаточно отчетливо выделяется четыре рода: 1) австралопитеки, 2) археоантропы, 3) палеоантропы, 4) гигантопитеки и мегантропы [10, с. 103].

«Характеризующая всех троглодитид и отличающая их экологическая черта – некрофагия (трупоядение)» [10, с. 107].

Понять причину некрофагии у троглодитид поможет краткий анализ системы биогеоценоза (взаимосвязанной совокупности, или “сообщества”, видов и их популяций, населяющих данный биотип). Пищевые связи между ними сложны и достаточно плотны; наука не могла бы объяснить, как внедрился новый вид хищников-убийц в биоценотическую систему позднего плиоцена или раннего плейстоцена. Принята такая упрощенная схема соотношения трех “этажей” в биоценозе: если биомассу растений приравнять к 1000, то биомасса травоядных животных равна 100, а биомасса хищных – 10. Такая модель иллюстрирует огромную “тесноту” в верхнем этаже. Ни мирно, ни насильственно туда не мог внедриться дополнительный вид сколько-нибудь эффективных хищников, не нарушая всех закономерностей биогеоценоза как целого” [10, 108]. Поэтому, по мнению Б.Ф. Поршнева, троглодитиды включились в биосферу не как конкуренты убийц, а лишь как конкуренты зверей, птиц и насекомых, поедавших «падалю», и даже поначалу как потребители кое-чего оставшегося от них. Иначе говоря, они заняли если и не пустовавшую, то не слишком плотно занятую экологическую нишу. Троглодитиды ни в малейшей мере не были охотниками, хищниками, убийцами, хотя и были с самого начала в значительной мере плотоядными, что составляет их специальную экологическую черту сравнительно со всеми высшими обезьянами [10, 109].

Троглодитиды, начиная с австралопитековых и кончая палеоантроповыми, умели лишь находить и осваивать костяки и трупы умерших и убитых хищниками животных. Впрочем, и это было для высших приматов поразительно сложной адаптацией. Ни зубная система, ни ногти, так же как жевательные мышцы и пищеварительный аппарат, не были приспособлены к занятию именно этой экологической ниши. Овладеть костным и головным мозгом и пробить кожные покровы помог лишь ароморфоз, хотя и восходящий к инстинкту разбивания камнями твердых оболочек у орехов, моллюсков, рептилий, проявляющийся тут и там в филогении обезьян. Троглодитиды стали высокоэффективными и специализированными раскалывателями, разбивателями, расчленителями крепких и острых камней. Тот же самый механизм раскалывания был перенесен ими и на сами камни для получения лучших рубящих и режущих свойств. Это была чисто биологическая адаптация к принципиально новому образу питания – некрофагии [10, с.109–110].

Б.Ф. Поршнева выделяет три больших этапа перестройка фаунической среды и вместе с ней эволюцию “каменных” “экзосоматических органов” троглодитид [10, с. 110–112]: первый – на уровне австралопитеков, второй – на уровне археоантропов, третий – на уровне палеоантропов. На третьем этапе следует остановиться более подробно.

Вместе со следующим зигзагом флюктуации хищной фауны в позднем плейстоцене третьему этапу приходит конец. Палеоантропы осваивают новые варианты устройства в среде, но кризис надвигается неминуемо. Выходом из данного кризиса была *адельфофагия* (умерщвление и поедание части представителей своего собственного вида). Следствием ее, как указывал Б.Ф. Поршнева, было появление совершенно нового феномена – зачаточного расщепления самого вида на почве специализации особо пассивной, поедаемой части популяции, которая однако затем очень активно отпочковывается в особый вид, с тем чтобы стать в конце концов и особым семейством. «Биологическая проблема дивергенции палеоантропов и неоантропов,

протекающей быстро, является самой острой и актуальной во всем комплексе вопросов о начале человеческой истории, стоящих перед современной наукой» [10, с. 112].

Если описать более подробно причину появления адельфофагии, то она может выглядеть следующим образом. Так как троглодитиды не были хищниками и состояли в различных формах симбиоза с животными, они не могли их убивать. Первое условие их беспрепятственного доступа к останкам мертвого мяса состояло в том, чтобы живое и даже умирающее животное их не боялось. Троглодиты должны были оставаться безвредными и безобидными, и даже кое в чем полезными, например сигнализирующими об опасности соседям в системе биогеоценоза. Однако троглодитам нужен был источник мяса, чтобы выжить. Природа подсказала возможность решения биологического парадокса, которое состояло в том, что инстинкт не запрещал им убивать представителей своего собственного вида.

Экологическая щель, которая оставалась для самосохранения у обреченного на гибель высокоспециализированного вида двуногих приматов, всеядных по натуре, но трупоядных по основному биологическому профилю, состояла в том, чтобы использовать часть своей популяции как самовоспроизводящийся кормовой источник [4].

Таким образом, выход из данного кризиса можно охарактеризовать двумя явлениями: во-первых, адельфофагией (другими словами, по мнению Б.А. Диденко, произошел переход к хищному поведению по отношению к представителям собственного вида) и, во-вторых, – зачаточное расщепление самого вида на почве специализации особо пассивной, поедаемой части популяции, которая, однако, затем очень активно отпочковывается в особый вид, с тем, чтобы стать в конце концов и особым семейством.

Вот здесь следует остановиться и *обратиться к двум аспектам заявленной темы: феноменологическому – явлению суггестии*, ибо без анализа данного феномена мы не сможем понять глубинную причину дивергенции и не сможем набросать предположительную схему разделения на виды; *методологическому – краткому анализу в современной науке вопроса относительно способности видообразования на уровне семейства Homo Sapiens.*

Суггестия

Б.Ф. Поршнев считает важным выделить в речевом общении, во второй сигнальной системе его ядро – функцию внушения, суггестии. И находится это ядро не внутри индивида, а в сфере взаимодействия между индивидами. Внутри индивида находится лишь часть, половина этого механизма. Для понимания сущности суггестии следует обратиться к предшествующему ей феномену – интердикции.

Интердикция составляет высшую форму торможения в деятельности центральной нервной системы позвоночных. Эта специфическая форма торможения образует тот фундамент, на основе которого оказался возможным переход от первой сигнальной системы (безусловные и условные рефлексы) ко второй – человеческой речи. Механизм интердикции заложен в глубинах первой сигнальной системы. Различают три уровня интердикции, но только верхний ее уровень лежит у подножия первого этажа человеческой речи. Уровни интердикции следующие:

1. Механизм “отвлечения внимания”, т.е. пресечение какого-либо начатого или готовящегося действия сильным стимулом, для организма биологически бесполезным или даже вредным. В данном случае интердикция еще мало отличается от простой имитации, которая есть обычным явлением в животной среде.

2. Собственно интердикцией следует считать такое воздействие неадекватного рефлекса, когда имитативным путем в другом организме провоцируется активное выражение тормозной доминанты какого-либо действия. Тем самым это действие временно “запрещается”.

3. Высшим уровнем интердикции является такая же активизация тормозной доминанты чужого организма, но в более широкой сфере деятельности, в пределе – торможение таким способом всякой его деятельности одним интердиктивным сигналом.

Таким образом, интердикция – это вызов состояния парализованности возможности каких-либо действий за исключением вызванного имитационной провокацией. Эту высшую форму интердикции в принципе можно считать низшей формой суггестии.

Можно допустить, что и палеоантроп, подражая голосам животных других видов, в немалой части представлявшим собой неадекватные рефлексы, вызывал их имитативно-интердиктивную реакцию. Тем самым палеоантроп, как указывал Б.Ф. Поршнев, оказался вооруженным грозным и небывалым оружием и занял совсем особое место в мире животных. В своем еще нечеловеческом горле он собрал голоса всех животных раньше, чем обрел свой специфический членораздельный голос. Он был абсолютно безопасен для всех зверей и птиц, ибо он никого не убивал. Но зато он как бы отразил в себе этот многоликий и многоголосый мир и потому смог в какой-то мере управлять поведением его представителей благодаря опоре на описанные выше механизмы высшей нервной деятельности.

Суггестия проявляет себя через внушение. Сущность внушения, по мнению Б.Ф. Поршнева, заключается в том, что при наличии самого полного доверия у того, кто слушает, к тому, кто говорит, у первого блокируется работа собственной первосигнальной системы, а вместо этого возникают образы и представления вызванные словами второго. Эти образы и представления, в свою очередь, нуждаются в таких реакциях и действиях, как это бывает тогда, когда они вызваны собственными ощущениями и восприятием, а не опосредствовано – через другого человека”.

Таким образом, суггестия (внушение) была исходным субстратом каких-нибудь социально-психологических отношений между людьми. Человечество начало свое развитие, уже имея суггестию как продукт предыдущего видообразования, но специфически человеческие черты оно начало приобретать с возникновением механизмов, которые давали возможность затормозить процесс суггестии, активно противодействовать ему” [9, с. 59].

Б.Ф. Поршнев выражал мнение о том, что первобытные люди начали противодействовать суггестивным механизмам с помощью самых простых способов, в частности, избегая контакта. Он считал, что когда скопление людей в местах возникновения первичных поселений достигло критической величины, людям стало тесно "через появление и развитие груза межиндивидуального давления". Они искали спасения в побеге, а следовательно, в расселении на пустых, нетронутых территориях. Причем скорость расселения людей по всем уголкам земного шара (таких темпов расселения не демонстрировал ни один вид животных) была для исследователя еще одним подтверждением неприемлемости для людей "груза" суггестии и активного поиска средств борьбы с ним.

Среди форм противодействия – контрсуггестии – Б.Ф. Поршнев выделял механизм формирования недоверия как одного из первичных защитных феноменов. Распределение сообществ на авторитетных и неавторитетных лиц было одним из средств, которое давало возможность уменьшить число тех, кто мог "запустить" суггестивный процесс. В этом русле лежит, по мнению автора, и принцип выдвижения лидеров – признанных авторитетов в каком-нибудь обществе (вождей, пап, президентов). За этим поступком стоит такое подсознательное рассуждение масс: "пусть слово одного имеет непреодолимую силу, но это не такая и большая плата за возможность не слушать или не признавать остальных" [9, с. 59].

Разделение человечества на разнообразные этносы также можно рассматривать как способ ограничения действия суггестии. И дело тут не только в том, что дифференциация людей на тех, кто принадлежит к родному этносу ("наших"), и тех, кто не принадлежит ("чужих"), количественно ограничивает число потенциальных суггесторов. Процесс суггестии в этом случае осложняется еще и тем, что такое распределение предопределяет и качественную несовместимость – непонимание друг друга через разные языки, через нетождественность культурных норм и обычаев [9, с. 59].

Б.Ф. Поршнев считал, что при всей вариативности форм сообществ они всегда конституируются через противопоставление "мы" и "они". (Позже из этой исходной оппозиции развивается "вы", которое есть, с одной стороны, не "мы", потому что это что-то внешнее, но и не "они", поскольку здесь наблюдается не противопоставление, а определенное взаимное притяжение. С "вы" постепенно формируются "он" и "ты" и только на завершающем этапе "я") [9, с. 59]. Важно отметить, что социально-психологическое противостояние ("мы" – "они"), по мнению ученого, является производным относительно индивидуально-психологического. Что же касается самой исходной оппозиции, то в ней исторически более ранним было "они" [9, с. 59–60].

Следовательно, "они" первее, чем "мы". Первым актом социальной психологии Б.Ф. Поршнева называл возникновение представления о "них". Представление о своем сообществе – вторично, оно развивалось с помощью механизма контрсуггестии, который появился уже позже, через противопоставление "своих" – "чужим", где первое представление о "мы" было – "мы" не такие, как они" (а не наоборот: "они – это те, что не мы"). Дальше понятие "мы" начинало выкристаллизовываться и наполняться конкретным содержанием. В этом незаурядную роль сыграл механизм контр-контрсуггестии" [9, с. 60].

Если обратиться уже к истории образования этносов, то как мыслил Б.Ф. Поршнева, суггестивные процессы всегда интенсифицируются при условии активизации ощущения контакта и общения. Именно поэтому во всех сообществах главное место отводилось общим народным праздникам, общей племенной трапезе, общему пению, и т.д. Результатом такой активизации ощущения контакта и общения было усиление суггестивных процессов, снижения критики, подъема доверия к данному сообществу, что свидетельствовало об усилении чувства принадлежности к "мы" (этническую идентификацию), и положительно влияло на рост внутриэтнической консолидации" [9, с. 60].

Относительно *методологического аспекта* заявленной проблемы кратко скажем следующее. У современных ученых вызывает сомнение способность видообразования на уровне семейства *Homo Sapiens*. Традиционно человечество определяется как единый вид *Homo Sapiens*. "Но ... является ли единственность *Homo Sapiens* доказанной хотя бы на уровне теории?" [8, с. 133]. Законы биологической эволюции едины для всех. Поэтому можно предположить, что никакие законы биологии не чужды и *Homo Sapiens*. Если признать, что *Homo Sapiens* не вид, а семейство, то можно предположить, что эволюция этого семейства, продолжаясь, сохраняет всю триаду – наследственность, изменчивость, отбор. Соответственно внутривидовая (внутрисемейная) дифференциация продолжается.

Как подчеркивает Н.Б. Оконская, "мы отличаемся от других видов, но практически выступаем в соотнесении с любым другим видом новым семейством. Последнее не исключает, а наоборот, предполагает разделение на виды (или скажем осторожнее, подвиды и типы внутри семейства *Homo Sapiens*)" [8, с. 66].

По мнению Н.Б. Оконской, обобщенная форма жизни принадлежит не виду, а всей целостности *биотипов*, из которых состоит человечество. Глубина различий биотипов людей дает нам право предположить, что и на социальном уровне эти биотипы проявляют себя как самостоятельная целостность. «Уже в условиях антропогенеза первой ступени природа дала человеку шанс расширить сферу действия законов изменчивости и естественного отбора не путем мутаций (которые сравнительно редки), а путем индивидуального и группового синтеза наследственного материала (генофонда). Поэтому природа дала возможность снять запреты на размножение всех биотипов людей путем смешанных браков» [8, с. 67]. Природа дала человеку вечный двигатель в области размножения – постоянное сексуальное влечение. Опираясь на наработки указанных исследователей можно сделать вывод, что сексуальное влечение, вместе со снятием запретов на межвидовое размножение увеличило эффективность внутривидовой и межвидовой дивергенции.

Гипотетически можно предположить в качестве маркеров внутренней дифференциации общества на типы личностей следующие свойства: пассионарность и комплиментарность Л.Н. Гумилева [3], суггестив-

ность и контрсуггестивность Б.Ф. Поршнева [10], агрессивность и альтруизм К. Лоренца [6], В.П. Эфроимсона [15] и других исследователей, хищничество Б. Диденко [4], потребность в эксплуатации Н.Б. Оконской [8], некрофилию и биофилию Э. Фромма [13; 14] и т.д. Видовые и внутривидовые свойства личности могут включать в себя биологические аналоги всех выше указанных свойств. Однако этот вопрос требует своей дальнейшей разработки.

Дивергенция видов

Исходя из изложенного выше, можно *набросать предположительную схему дивергенции троглодитид и гоминид*, начавшуюся еще в мире поздних палеоантропов и завершившуюся лишь с окончательным оформлением *Homo Sapiens*. *Homo sapiens* появляется 35–40 тысяч лет тому назад. По мнению Б.Ф. Поршнева, проблема антропогенеза в точном и узком смысле сфокусирована на сравнительно недолгом интервале времени (15–25 тысяч лет). Загадка человека полностью включена в неисчерпаемо сложную тему дивергенции палеоантропов и *Homo pre-sapiens*.

Толчком к взрыву послужила бурная дивергенция двух видов – *Troglodytes* и *Homo pre-sapiens*, стремительно отодвигавшихся друг от друга на таксономическую дистанцию двух различных уровней самоорганизации материи – биологической и социальной. Только существование крайне напряженных экологических отношений между обоими дивергирующими видами может объяснить столь необычайную быстроту данного ароморфоза: отпочковывания нового, прогрессивного вида. С самого начала дивергенция не сопровождалась распределением ареалов. Наоборот, в пределах одного ареала происходило крутое размежевание экологических ниш и форм поведения.

Следовательно, перед нами продукт действия некоего особого механизма отбора, противоположного дарвиновскому “естественному”. По мнению Б.А. Диденко дело идет о раздвоении единого вида. Стихийным интенсивным отбором палеоантропы и выделили из своих рядов особые популяции, ставшие затем особым видом. Обособляемая от скрещивания форма, видимо отвечала прежде всего требованию податливости на интердикцию. Это были “большелобые”. В них вполне удавалось подавлять импульс убивать палеоантропов. Есть еще один специфический факт, который тоже локализован в данном хронологическом интервале: расселение ранних *Homo Sapiens* по обширной ойкумене, практически по всей пригодной к обитанию территории нашей планеты, включая Америку, Австралию, Океанию.

Людам не стало «тесно» в хозяйственном смысле, но им стало тесно в смысле трудности сосуществования с себе подобными. Они старались отселиться от палеоантропов, которые биологически утилизировали их в свою пользу, опираясь на мощный аппарат интердикции. Они бежали и от соседства с теми популяциями *Homo Sapiens*, которые сами не боролись с указанным фактором, но уже развили в себе высокий аппарат суггестии и перекладывали тяготы на часть своей и окресной популяций. И палеоантропы и эти «суггесторы» понемногу географически перемещались вслед за такими беглецами переселенцами. Наконец Земной шар перестал быть открытым для свободных перемещений, и его поверхность покрылась т.наз. антропосферой, или системой взаимообособленных ячеек, пользующихся своим собственным языком, как средством защиты – помощью непонимания – от чужих повелений и агрессивных устремлений.

Отметим, что эти первобытные социальные образования были эндогамны. Этнос или другой тип объединения людей всегда служит препятствием для брачно-половых отношений с чужими. Как считает Б.А. Диденко, к главнейшим механизмам дивергенции с палеоантропами принадлежало избегание скрещивания [4].

Исходя из концепции Б.Ф. Поршнева, в процессе суггестивного влияния существовало как минимум три соучаствующих стороны. И воздействие суггестии направляется лишь на того, кто не владеет “кодом” самозащиты, либо происходит обращение, наоборот, к владеющему таким кодом (соучастнику). Здесь слову “код” возвращается его истинное значение, утраченное кибернетикой: “код” может быть только укрытием чего-то от кого-то, и подразумевает трех участников: кодирующего, декодирующего и акодирующего (не владеющего кодом).

Соответственно, развивает данную мысль Б.А. Диденко, существовало три градации в неустойчивом переходном мире становления раннего человечества. *Homo pre-sapiens*. 1. Еще весьма близкий к биологическому палеоантропу, т.е. полунеандерталоидный тип, использующий примитивную, летальную для его «собеседников», роковую и неодолимую (до поры до времени) интердикцию. 2. Средний, промежуточный тип, который способен имитировать действия первого типа, но в итоге неспособный ему противостоять, суггестор-имитатор: первобытный манипулятор. 3. Наиболее продвинутые в сторону сапиентности (оразумления), но практически не способные противостоять воздействию первых двух типов, суггеренды. Все вместе они, по крайней мере первый и третий тип, находились в биологическом противоречии, каковому противоречию и соответствует первоначальная “завязь” суггестии. Она достигает все большей зрелости внутри этого мира ранних *Homo pre-sapiens*, причем наиболее элементарные формы суггестии действительно по отношению к более примитивному типу (так и оставшемуся животным), а более сапиентные варианты *Homo pre-sapiens*, избегают воздействия суггестии благодаря вырабатывающимся предохранительным ограждениям (непонятность, кодирование).

Полная зрелость суггестии отвечает завершению дивергенции человека с палеоантропами (троглодитами). К этому времени среди самих *Homo Sapiens* уже распространилось взаимное обособление общностей по принципу “кодирования” своей общности от чужих побуждений, т.е. возникла самозащита “непониманием” от повелений и поведенческих норм, действительных лишь среди соседей [4].

В процессе дивергенции видов можно выделить следующую особенность. Два инстинкта: никого не убивать и при этом убивать подобных себе – противоречили друг другу. “Война всех против всех” внутри собственной популяции, если бы перешла определенные пределы, привела бы к гибели данной популяции.

Выходом из указанных противоречий было расщепление самого вида палеоантропов на два подвида. От прежнего вида сравнительно быстро и бурно откололся новый, становящийся экологической противоположностью. Если палеоантропы не убивали никого кроме подобных себе, то эти другие – *Homo pre-sapiens* (человек формирующийся), представляли собой инверсию: по мере превращения в охотников, они не убивали именно палеоантропов. Они сначала отличаются от прочих троглодитов только тем, что не убивают этих прочих троглодитов. А много позже, отделившись от троглодитов, они уже не только убивали последних, как и всяких иных животных, как «нелюдей», но и убивали подобных себе, т.е. и других *Homo pre-sapiens*. Эту практику унаследовал и *Homo sapiens*, всякий раз руководствуясь тем мотивом, что убиваемые – не вполне люди, скорее, ближе к «нелюдям» (преступники, иноверцы) [4].

Однако «уйти чисто» из животного мира «человеку разумному» не удалось. В составе человека, согласно концепции Б.А. Диденко, остались прямые потомки тех самых первоубийц (предельно близких к биологическим палеоантропам – троглодитам), а также и потомки их подражателей – суггесторов-манипуляторов. В результате всех этих процессов антропогенеза в неустойчивом, переходном мире становления раннего человечества образовалось весьма специфическое, очень недружественно настроенное по отношению к друг другу семейство рассудочных существ, состоящее из четырех видов. В дальнейшем эти виды все более и более расходились по своим поведенческим характеристикам. Эти виды имеют различную морфологию коры головного мозга.¹ Человечество, таким образом, представляет собой поэтому не единый вид, но уже семейство, состоящее из четырех видов, два из которых необходимо признать хищными, причем с противоестественной ориентацией этой хищности (предельной агрессивности) на других людей [4].

Под хищностью Б.А. Диденко понимает врожденное стремление к предельной или же чудовищно сублимированной агрессивности по отношению к другим человеческим существам. Именно эта противоестественная направленность и не позволила из-за дистанционной неразличимости – образовать видовые ареалы проживания, а привела к возникновению трагического симбиоза, трансформировавшегося с течением времени в нынешнюю социальность [4]. Рассмотрим специфику каждого вида.

Первый вид (хищный) – это палеоантропы (или неотроглодиты), предельно близкие к своему дорассудочному предшественнику, «биологическому прототипу» – подавлявшему с помощью интердикции волю сородичей и убивавшему их. Это мрачные злобные существа, зафиксированные в людской памяти с самых ранних времен, в частности, в дошедших до нас преданиях о злых колдунах-людоедах.

Второй вид (также хищный) – это суггесторы, успешно имитирующие интердиктивные действия «палеоантропов», но сами все же не способные противостоять психическому давлению последних.

Третий вид (уже нехищный) – диффузный. Это те самые суггеренды, не имеющие средств психологической защиты от воздействия жутких для них, парализующих волю к сопротивлению импульсов интердикции. Это – «человек разумный».

Четвертый вид – это неопантропы, непосредственно смыкающиеся с диффузным видом, но сформировавшиеся несколько позднее. Они более продвинуты в направлении сапиентации, оразумления, и способны – уже осознанно – не поддаваться магнетизирующему психологическому воздействию интердикции. Неопантропов следует считать естественным развитием диффузного типа в плане разумности.

Именно эта классификация, по мнению Б.Диденко является кардинальной, видовой типологией людей [4].

Эмпирическим доказательством существования видового разделения человечества является т. нз. «социальное моделирование», или, если быть более точными, то «асоциальное моделирование». Например, при различных катаклизмах (стихийных, революционных, милитаристских), разрушающих государства, очень многие человеческие сообщества распадаются на «малые группы», враждующие между собой. Такие асоциальные модели нам в достаточной степени известны. Главарь («пахан»), «свита приближенных» (несколько прихлебателей: «шестерок») и, наконец, более-менее многочисленная послушная «исполнительная группа». Такое самопостроение, стихийная самоорганизация, при снятии уз официальной социальности, предельно точно вскрывает и демонстрирует кардинальный (видовой) состав человечества [4].

В целом, если проиллюстрировать с позиций социального моделирования феномен преступности и специфику взаимоотношений в преступном мире, то получим классический пример первобытности в современном обществе.

Максимум, что может себе открыто и публично позволить современный человек, – это некоторую отчужденность от других людей, акцент на их подозрительной инаковости. Совсем иначе обстоит дело в преступных общностях. Для них весь мир жестко разделяется на своих и чужих, на тех, по отношению к кому возможно какое-то подобие нравственных норм, и всех остальных. «Остальные» – это те, кто подлежит эксплуатации, вымогательству, издевательствам, грабежу, в пределе – уничтожению. Преступник потому и признается таковым, что объявляет войну чуждому и чуждому для него миру. Не чужды для него себе подобные, да и то в случае, если это его собственная группа. Остальное, не преступное общество, как раз и не готово согласиться, что чужие – это тот, кто подлежит той или иной форме отрицания» [11, 67]. Однако, так

¹ Тезис относительно различной морфологии коры головного мозга у разных человеческих видов Б.А. Диденко не был в достаточной мере обоснован и подтвержден. Однако современной наукой доказано, что многие поведенческие особенности детерминируются генами. В частности когнитивные и интеллектуальные способности. В последнее время разрабатывается генетика поведения человека и доказано, что склонность к тому или иному типу поведения заложена в генах человека, а именно: аутизм, алкоголизм, патологическая азартность, маниакально-депрессивные психозы, шизофрения, в том числе склонность к криминальному поведению и агрессивность [см.: 1].

было не всегда. Долгие тысячелетия кажущиеся сейчас естественными нормы и правила человеческих взаимоотношений распространялись только на своих. В отношении других – чем далее в глубь первобытности, тем менее ограничений. В архаической же первобытности чужой – это очень часто представитель тьмы, хаоса, кромешного мира небытия. И убить его означает устранить небытие, дав дорогу космическому устройению в противоположность неустроенности и тьме хаоса. Подобное отношение к чужому не только существовало тысячелетиями, но и преодолевалось. Мир же преступности все возвращает на круги своя. Стремясь отменить тысячелетний опыт человечества. И не просто вернуть его в первобытность, а пойти гораздо дальше, в полный распад и уничтожение человеческого в человеке" [11, с. 67]. Однако вторичное торжество первобытности в полном виде невозможно уже потому, что в человеке состоялось индивидуальное-личностное начало, а ему в первобытном "мы-бытии" ужиться можно только на время. И потом, первобытность преступного мира неполная и неабсолютная. Прежде всего, она в отличие от подлинной первобытности паразитична. Преступное сообщество в принципе не способно самовоспроизводиться, оно живет за счет других людей. Не привнося в их жизнь ничего позитивного. "Свои" смотрят на "чужих" как на голое средство, не уничтожая их лишь по соображениям выгоды [11, с. 67].

Собственно говоря, большинство и официальных общественных структур в той или иной мере приближаются к указанному "классическому" построению, и в первую очередь, это относится к властным структурам.

К хищным видам не применимы основные человеческие качества: нравственность, совесть, сострадание. Эти существа привносят в мир бесчеловеческую жестокость, бесчестность и бессовестность.

Совершив патологический переход к хищному поведению по отношению к своему же виду, палеоантроп – агрессор привнес в мир гоминид страх перед «ближним своим». Закрепляясь генетически, этот страх стал врожденным. Реакция «боязни посторонних» наблюдается у всех народов мира.

Для дальнейшей истории развития общества нужно отметить, что соотношение хищных и нехищных видов в разных сообществах было и остается неодинаковым. Чем больше представителей хищного вида в определенных сообществах – тем они более воинствующие на протяжении всей человеческой истории. Однако нужно отметить, что всегда во главе любой социальной группы, будь то антисоциальная преступная группа или «пирамида власти-собственности» в государстве – будет представитель наиболее хищного типа, то есть палеоантроп, окруженный суггесторами-манипуляторами. Именно хищные виды диктуют свою волю наиболее распространенному, приспособляющемуся к любым жизненным условиям и внушаемому диффузному типу. Таким образом, именно хищные виды являются наиболее конкурентоспособными, однако и конкуренция с их подачи приобретает хищническое, нечеловеческое лицо.

Следствием процесса дивергенции двух видов было то, что поверхность Земного шара покрылась антропосферой – системой замкнутых этносов, взаимообособленных человеческих сообществ, каждый из которых пользовался своим собственным языком, как средством самозащиты с помощью непонимания и безошибочного выделения чужаков всегда потенциально опасных. Неопровержимым есть тот факт, что в географических областях с уплотненным населением и повышенным агрессивным межобщинным настроением одновременно возникает, развивается и поддерживается также и рознь лингвистическая (например, сотни языков на Кавказе и пр.) Дисперсия человечества завершилась неустойчивой стабильностью, состоянием «недоброжелательной общительности» в отношениях между людьми, «квазимиролюбивости» и вражды между группами [4].

Вражда между этими группами шла не за недостающие ресурсы. Их на этом этапе антропосоциогенеза, для поддержания жизнедеятельности сообществ, было пока достаточно. Вражда шла по принципу «Свой – Чужой», «Мы – Они», что закреплялось генетически и в дальнейшем проявлялось в ментальности данных обществ. В этом проявляется первый глубинный источник возникновения конкуренции и кооперации. Здесь же скрывается и специфика конкурентного и кооперативного взаимодействия. Конкуренция в данном случае проявляется в форме вражды между группами. А что же происходит внутри группы? Наивно было бы думать, что только внутригрупповая кооперация. Оптимальный уровень внутригруппового партнерства был возможен при условии межгрупповой конкуренции-вражды. Внутри же группы закладывались основы для конкуренции на всех ступенях иерархии человеческого сообщества. Вот так началась человеческая «история». Каннибализм биологический приобрел социальные формы.

В связи с изложенным выше возникает вопрос: возможно ли устойчивое, гармоничное развитие общества и социальных групп в нем? И если возможно, то каким образом можно определить степень оптимального развития данной социальной группы и общества в целом?

Для решения данной задачи некоторые исследователи предлагают использовать метод «золотого сечения». Он применяется впервые для опознания сущности человека. Уже само понятие «формула» личностной структуры общества – это заявка на применение математики при анализе истории человечества. Суть метода «золотого сечения» в упрощенном виде сводится к следующему.

Предполагается, что если мы возьмем полную сумму данной социальной группы или общности (класс, регион и т.д.) и приравняем ее к единице, зная хотя бы в первом приближении, как в количественном отношении внутри этой единицы распределены две группы личностей (например, агрессивные зависимых и нейтральных к агрессии), то в этом случае возможна ситуация, когда агрессоры будут составлять 0,38, а неагрессоры 0,62 общего числа исследуемой группы. Данное соотношение соответствует формуле «золотого сечения», что и обеспечивает гармоничность внутри общей группы (устойчивость). А если количественное соотношение такого типа в данной группе отсутствует, то и гармонии и устойчивости нет.

Затем на следующем этапе, внутри групп, соответствующих долям 0,38 и 0,62 логично и нужно провести ту же операцию на опознание соответствия формуле «золотого сечения» (ибо агрессивность также диф-

ференцируется по качественным показателям). А затем эту же математическую операцию проделать с неаррессорами и т.д. Трудности здесь не столько в математике, сколько в качественной определенности и определяемости типов личности [8, 8–9]. Этот момент требует помощи генетики, биологии общества, философии и антропологии. Этот момент требует глубокого анализа и определения сущности личности, соотношение в ней биологического, социального и духовного.

Общий вывод: Homo Sapiens как новый вид должен был выдержать “конкуренцию” с другими видами устойчиво закрепленными в структуре биосферы. Успешно выдержав внешнюю конкуренцию он обернул ее в форме агрессии против самого себя и в результате поставил под угрозу выживания не только множество видов живого, но и всю биосферу в целом. Автор статьи солидарен с Н.Б. Оконской в том, что не имея конкурентов в биосфере, вероятно человек использовал типы суггестора и суггестивных личностей для самоограничения вида Homo Sapiens через бесконечные войны и агрессии против самого себя вплоть до каннибализма (но уже социального) и некрофилии. “Теноцид (религиозный, политический, экономический и т.д.) как форма пресечения размножения Homo Sapiens невозможен без избыточной (по массе интенсивности) суггестивности тех групп людей, которые вынуждены были подчинять свои инстинкты логике социально-экономических процессов” [8, с. 216–217].

В целом, автор отдает себе отчет в том, что заявленная тема статьи является лишь постановкой проблемы, которая требует более глубокого и обстоятельного анализа, что и можно определить как перспективу дальнейших научных исследований.

Источники и литература

1. Бельков В.В. Куда идет эволюция человечества? // Человекзнание: История. Теория. Метод. – 2003. – № 3. – С. 16–29.
2. Блюменшайн Р.Дж., Кавалло Дж.А. Гоминиды-падальщики и эволюция человека // В мире науки, 1992. № 11–12. С. 176–183.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Ленинград: Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
4. Диденко Б.А. Цивилизация каннибалов. – М.: МП «Китеж», 1996. – 160 с.
5. Клягин Н.В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). — М., 1996. — 252 с.
6. Лорнец К. Агрессия, или так называемое «зло». – М.: Прогресс, 1994. – 189 с.
7. Методологические аспекты исследования антропогенеза / Н.П. Депенчук, В.С.Крисаченко, Б.А. Параконский и др.; Отв. ред. Н.П. Депенчук; АН УССР. Ин-т философии. – Киев. Наук, думка, 1990. – 224 с.
8. Оконская Н.Б. Лицо истории – золотое сечение или цивилизация каннибалов / Н.Б. Оконская. – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2003. – 232 с.
9. Павленко В.М., Таглин С.О. Етнопсихологія: Навч. посібник. – К.: Сфера, 1999. – 408 с.
10. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
11. Сапронов П.А. Культурология: Курс лекций по теории и истории культуры. – СПб.: СОЮЗ, 1998. – 560 с.
12. Семенов Ю. И. На заре человеческой истории.– М.: Мысль, 1989.– 318 с.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.
15. Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. – СПб.: Талисман, 1995. – 288 с.

Бекирова Л.С.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СУЩНОСТИ ТРАДИЦИИ И ЕЁ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

Основной целью данной статьи является рассмотрение сущности и роли традиций, благодаря которым обеспечивается жизнестойкость той или иной социальной общности (народа, группы) и отдельной личности.

Цель данного исследования предполагает решение следующей *задачи*: анализ представлений о социальном статусе и сущности традиций в истории философии и культуры.

Интерес к традициям был отмечен с глубокой древности. Впервые в истории философии на значение традиций в формировании личности человека обратил внимание Конфуций, который, собрав возле себя единомышленников и учеников, создал в 6–5 в.в. до н.э. свою школу. Время, в которое он жил, было переломным в истории Китая. В связи с формированием частной собственности, способствовавшей развитию ремесел, торговли, росту городов и т.д., человек вырывается из семейных и патронимических связей. Возникшая новая система ценностей привела человека к моральной дезориентации и деградации. Может быть, именно по этой причине у многих интеллектуалов, наблюдавших в обществе ломку старых стереотипов, возникает ностальгия по «золотому веку» – веку, описанному в древних китайских книгах «Шуцзин» и «Шицзин», в которых имена мудрецов и предводителей прошлого были овеяны ореолом славы и почтения. Конфуций первым в истории Китая встал на путь сознательного *культивирования традиций*, выдвигая при этом на передний план те стороны социального наследия, которые соответствовали его социальному идеалу [2, с.27]. «Я передаю, но не создаю; я верю, в древность и люблю её...», – говорил своим ученикам Конфуций. В результате, благодаря Конфуцию произошло первое «великое прозрение» китайцев и они сумели